

[Л.21] Стенограмма воспоминаний женщины, которая убежала из Германии, Пономаренко Палажки Павловны

[Л.22] Пономаренко Палажка Павловна

Воспоминания женщины, сбежавшей из Германии.

Родилась в 1914 г. в Черкассах. Отец был рабочий. Закончила семилетку. До войны работала в швейной мастерской.

Когда началась война я оставалась на оккупированной территории. Я шла в село, меняла хлеб на соль в Полтавскую область. По дороге встретили полицейские, отобрали соль, все, что было в корзине из продуктов, и арестовали и засадили в тюрьму в с. Верклиев в Полтавском районе. Это было 5 марта 1943 г. Через три дня отправили на Киев. В Киеве я хотела убежать еще на вокзале, но кроме 2-х палок по плечам ничего не получилось и я поехала дальше. Доехала до Люблина, там у нас была комиссия. После комиссии снова сели в вагоны и при посадке бежали из вагона 10 человек. Немец, пересчитав, что у него не хватает 10 чел., вывел последние 40 чел. из вагона, поставил отдельно и всех расстрелял. Всех остальных поставил, чтобы видели, что будет за побег. И так нас повезли дальше.

Привезли нас в г. Кенигсбург. На вокзале вышел господин небольшого роста, стал выбирать себе ребят по вагонам. Выбрал сколько надо, заплатил деньги. И к этому господину попала и я. Повел нас в баню. В бане мы помылись, потом поели супа из воды. Сделали на бирже загон. В загон помещался только один человек. Открыли другие автоматические ворота и перед глазами показались господа, паны. Каждый господин выбирал себе здоровых девушек, парней. При этом заглядывал в зубы, глаза... И потом показывал билеты на этих людей, что этих людей он берет себе. Ко мне подошла дама и забрала себе. Привела она меня на биржу, спросила, которого я года, из какого села, заплатила за меня 25 марок, дали мне [Л.23] на руки билет, на нем написано по-украински: Вы должны подчиняться, иметь с собой ложку, миску, одежду, будете работать только за еду, потому что сейчас война, ничего нет. Не имеете права ходить по городу, по деревне без разрешения своего хозяина.

Привела хозяйка меня в свой дом (7 км от г. Кенигсбурга). У них я работала с утра до темной ночи. Со мной у него было еще 2 девушки из Польши. Он имел право держать 3 человека, у него 3 сына на фронте. Делала я у них все подряд. Работала я у хозяйки всего месяц. Эти девушки, из Польши, много мне помогали. Рассказали мне, где именно находится Польша и как можно попасть к границе. Может, я еще побыла бы там немного, но хозяин был очень злой. Только придем, а он, гад, бьет плеткой, только ходит по двору и контролирует. И я решила или вернусь домой, или смерть в дороге. Все лучше, чем жить такой собачьей жизнью, что тебя и за человека не считали. Все время нам давали только сухую картошку и черный кофе, хлеба давали очень мало.

Когда я сказала, что решусь на все и побег, то мы уже (я и девушки) не доедали свою порцию хлеба и украдкой сушили. И я решила двигаться в путь. Когда выходила из «дома», было воскресенье, вышла середь бела дня, потому что в воскресенье нам позволяли на 2 часа сходить к какой-то украинке. И в 2 ч. дня я вышла. Сухари я спрятала за пазуху, попрощалась с девушками и ушла. Перешла через все село и свернула сейчас же в лес. В лесу просидела в глуши до самого заката. В лесу я решила не показываться ни большой дорогой, ни тропами, а идти захолустьем.

Не зная дороги [Л.24] шла только на восток к солнцу, когда солнце всходило, тогда шла по солнцу, куда оно восходит. Было, конечно, страшно, но смерти больше боялась. Прошла лесом я 15 дней, потому что шла так, чтобы добраться до границы. Последние 5 дней уже шла не евши. Дошла до г. Прусы. Не знала, что на границе, спросила одного из поляков, который пахал в поле (по одежде видно, что это не немец). Он мне очень помог. Сказал, чтобы я вернулась и спряталась в лесу, а когда он закончит работу, то зайдет ко мне и поможет. Закончив работу, пришел ко мне уже на закате, принес мне свой обед и сказал, чтобы я сидела, пока он не придет ночью и не выведет меня на границу. С его помощью в часа 2 ночи повел меня на границу. Все время мы лезли на четвереньках. Долезла к воде, я разделась и, хотя была очень холодная вода, так как только размерзлось, привязала одежду на голову, попрощалась, поблагодарила его и поплыла на ту сторону. Приплыв на ту сторону от радости думала, что я уже и дома, когда встретила рыбаков, тоже поляков. У одного из них дочь тоже в Германии, то они сразу догадались, что я бегу, не спросили хочу ли есть, или нет, вытащили, что было у них, дали поесть и повели меня с собой. Я прошла с ними с полкилометра, вижу – стоит какое-то село, и думала, что там живут люди, подхожу к домам поближе, а там один страх. Все разбито, разломано, людей нет ни души. Оттуда от границы на 40 км изгнаны все люди от мала до велика. Поляки мне рассказали, что в этом селе можно отдохнуть в скирде соломы.

Я отдыхала целый день в соломе, была уже не голодна. Затем начала идти за солнышком. Иду лесом дня 2, а затем вечером дохожу до какого-либо села и на краю села [Л.25] зайду в дом и попрошу есть, или кусочек хлеба. Поляки живут очень плохо, у них все до ниточки собрали и отправили в Германию. Полячка мне рассказала, что у нее тоже 2 дочери в Германии. У старшей дочери был ребенок, то ее оставили дома, а дочь угнали в Германию, кто богат – откупался золотом, но это было ненадолго, потому что в одну вербовку от одного откупишься, а во вторую вербовку давай другому выкуп.

Так я шла в Варшаву. Люди помогали мне много, но больше шла лесом, там и отдыхала. В Варшаве разговорилась с одним поляком, который уже не одну прятал у себя, эти украинцы за это ему тоже помогали посылками. Пригласил к себе в дом. У него была тайная комната, где я прожила 5 дней. Я хорошо отдохнула, набралась силы, а за эти 5 дней он собрал денег, связался с другими поляками, которые помогали беглецам, собрал еду, купил билет, посадил на поезд, и я поехала до нашей границы ст. Дорогуз.

На станции я прожила 5 дней в скрытом месте, не показывалась, там людей задерживали и за границу не пускали. Пересидев ночью пошла воды напиться к паровозу. Вышел машинист (поляк, он жил у нас лет 15), спросил кто я, чего хожу, я долго молчала, потому что боялась сказать ему, но он понял сам кто я и стал говорить, что он едет в Украину через 1.30 ч. и сказал мне стоять у паровоза, а когда он пустит большой пар, чтобы я забралась на уголь. За эти 1.30 он в угле вырыл большую яму, а когда он пустил пар, я забралась на уголь, и мы поехали. По дороге он предупредил, чтобы я не вылезала, пока он не скажет мне, где встать. Так я проехала 300 км, а потом встала под [Л.26] Минском и сразу же свернула в лес. Истощавши уснула. Ко мне подошли двое молодых ребят, разбудили, стали спрашивать кто я, откуда, хочу ли есть. Сказали, чтобы я здесь сидела, а они придут часа через 2 и поведут меня в деревню. Пошла я с ними в деревню. Пошла к старой женщине, ее дочь и зять (учителя) с детьми были расстреляны немцами. Я у нее прожила три дня. У нее был родственник, который работал на железной дороге. Она его попросила, чтобы он подвез меня хоть немного. Его дежурство было ночью. Выехали в 8 ч вечера. Я ехала на тормозе. Доехала до Казатина, но в дороге простудилась и заболела. Он был проводник, сдал свои вагоны и попросил того, кто его заменил, везти меня дальше. Так я доехала до Шевченково (Бобриновка). Там ехать поездом я боялась, меня знали полицаи, и я шла всю ночь в Черкассы. Пришла домой и пряталась, пока не начали эвакуировать Черкассы. Добиралась я домой около 2-х месяцев.

Сейчас я работаю в г. Черкассах агентом по снабжению в военной части.

Рассказала (Пономаренко)

1944 г. август 20